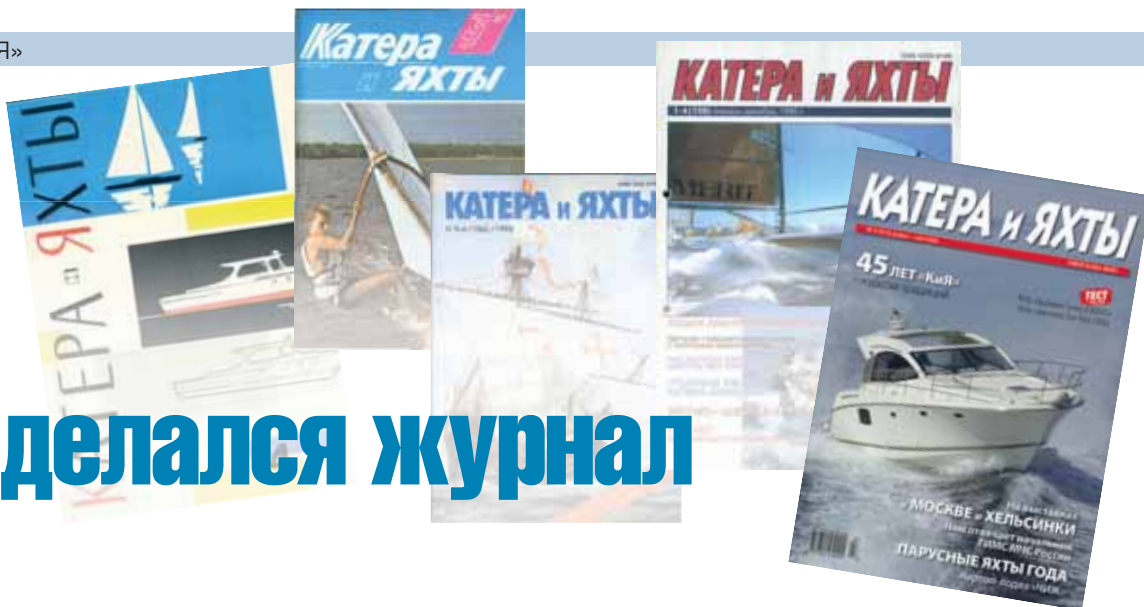

Как делался журнал

1. «Научный» и «технический»

В редакции «КиЯ» побывал наш старый читатель, московский ветеран – парусник-байдарочник, а затем и водномоторник **Андрей Данилов**. В беседе с ответственным секретарем **Ю. Казаровым** он не только поздравил нас с 45-летием, но и высказал ряд пожеланий, а также задал несколько вопросов.

В частности, он обратил внимание на подпись к фотоснимку в № 184, на котором изображена редакция «КиЯ» в 1972 г. Рядом стоят *технический редактор Ю. Коровенко* и *научный редактор Д. Курбатов*. В чем же разница в этих понятиях, и почему сейчас в «КиЯ» (да и в других журнальных хредакциях) таких «профессий» нет вообще?

Это идет от традиций книжных редакций, как правило – многопрофильных. Принесенную автором рукопись по какому-либо узкому вопросу оценить силами нескольких сотрудников редакции чаще всего было невозможно: нельзя же держать в штате видных специалистов по всем вопросам, входящим в круг возможных тем. Практика подсказала типичный путь: сначала рукопись направляют двум (а иногда и трем) сторонним специалистам на рецензирование, т. е. общую оценку содержания. Если рецензии в целом положительны, рукопись возвращают автору с предложением доработать ее в соответствии с указаниями рецензентов. А затем находят такого специалиста, высоко компетентного именно в данной области знаний, которому можно доверить помощь автору в этой работе. Научный редактор уже не оценивает, а более

Редакция в 1972 г. (слева направо): художественный редактор Н. Шакуро, главный редактор В. Лапин, редактор Ю. Казаров, технический редактор Ю. Коровенко, заведующий редакцией – научный редактор Д. Курбатов

активно вмешивается в содержание, переделывая (разумеется – с согласия автора) спорные места либо указывая в примечаниях от своего имени собственную точку зрения.

В специализированных журналах путь авторского материала, как правило, короче. Оценивает его, как правило, редактор тематического раздела и он же, чаще всего, в согласии с автором, сокращает материал либо требует расширить его, дает необходимые примечания, помогает подобрать иллюстрации и т. д. Это по традиции и называется научным редактированием.

В первые годы существования журнала (тогда еще сборника) «КиЯ» материалы по водно-моторной тематике «научно» редактировал **Юрий Владимирович Емельянов** – признанный

авторитет, начальник катерного главка минсудпрома, автор популярных в те годы книг по водно-моторной технике и туризму, один из авторов классического «Справочника по мелкому судостроению».

Научным редактором по парусной тематике был адмирал **Юрий Александрович Пантелеев** – яхтсмен с дореволюционным яхтенным стажем, капитан «Руслана», автор книги «Парус – моя жизнь». В связи с его крайней занятостью (он продолжал быть начальником Военно-морской академии) для научного редактирования самых трудоемких построечных материалов привлекли молодого инженера **Дмитрия Антоновича Курбатова**. Вскоре и Емельянов, и Пантелеев стали уделять работе в журнале

все меньше времени, а Курбатов – все больше.

В составе издательства «Судпромгиз» образовалась редакция «Кия», в штат которой он и перешел в качестве «единоличного» научного редактора, благо его богатый практический опыт конструктора, яхтсмена и водномоторника позволял вести практически всю тематику журнала.

Вот уже 15 лет как его нет среди нас, но мы продолжаем равнять свою работу по высокой «курбатовской» планке. Сейчас у нас в штате научных

редакторов нет: их творческие функции выполняют редакторы отделов (см. выходные сведения на стр. 9).

Что же делал технический редактор? Во-первых, этот термин тоже не что иное, как дань старинным традициям книжных редакций. Речь идет не о содержании технических статей, а о технике их воспроизведения, о том, чтобы в типографии четко знали, что и как делать с поступившим материалом. Техред давал все необходимые типографические указания по набору, верстке, правке и печати.

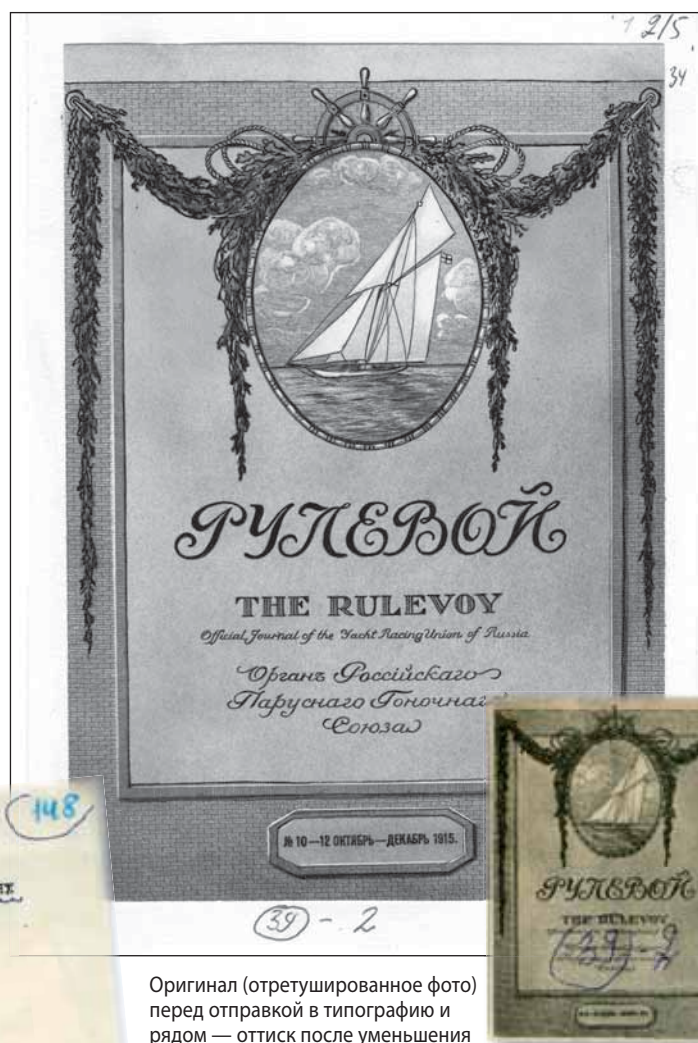
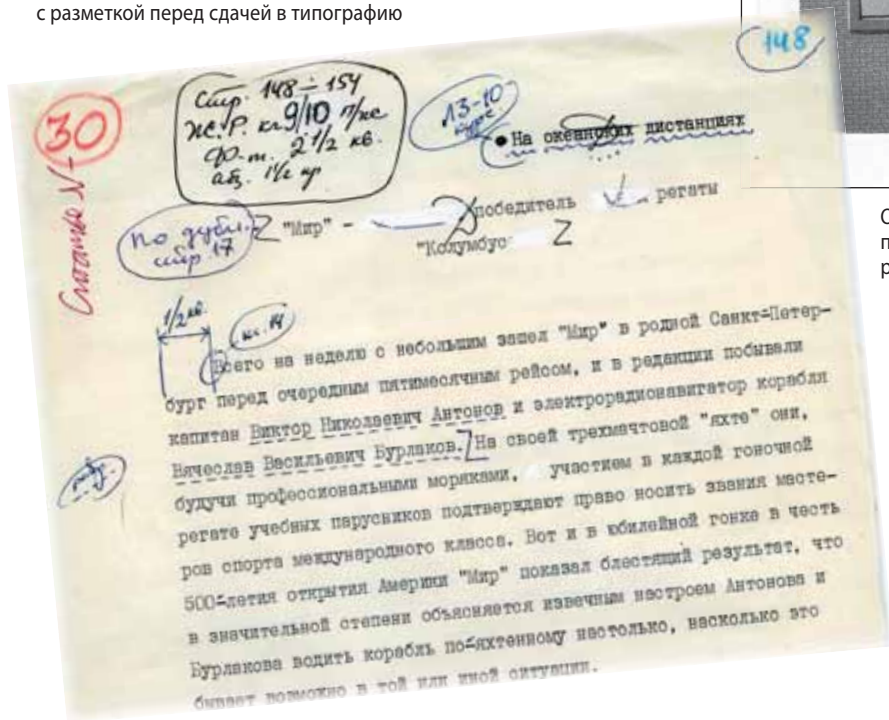
«Кия» повезло – с нами работали отличные мастера своего дела **Петр Самойлович Фрумкин, Юрий Николаевич Коровенко, Ирина Витальевна Шестакова**.

Если в книжных редакциях иногда указывают фамилию технического редактора, то в журналах давно уже этого нет. В журнальных редакциях давно применяется совсем иная, компьютерная технология, где работу технического редактора выполняют дизайнер, художник, специалисты по верстке и цветоделению.

2. Ужасная история

Сейчас даже страшно вспоминать, как происходила подготовка к сдаче номера в типографию в «доброе старое» время, а точнее – с 1963 по 1993 г. Все эти тридцать лет технический прогресс нас практически не касался – все шло по порядку, заведенному чуть ли не лично Гутенбергом. Рукопись, перепечатанная, вычитанная и подписанная представляла собой объемистую кипу конвертов – килограммов на пять со страницами гладкого текста всех 50–60 статей, пронумерованных по порядку. В начале каждой были указаны размер (рост в кеглях) и рисунок (гарнитура) основного шрифта, формат набора (ширина колонки), абзац, спуск и т. п., и т. д. Разумеется, все указывалось понятным типографическим языком и в старинной международной системе мер – в пунктах и квадратах. Все, что должно было набираться шрифтами, отличными от основного (примечания, подписи под рисунками, заголовки и т. п.), в тексте было не только подчеркнуто, но и напечатано отдельно (с перекрестными ссылками) – это называлось дубликатами.

Верхняя часть страницы рукописи с разметкой перед сдачей в типографию

Оригинал (отретушированное фото) перед отправкой в типографию и рядом — оттиск после уменьшения

Главная сложность заключалась в том, что всем участникам работы надо было одинаково представлять значение каждого материала и то, как должна выглядеть готовая статья в журнале (и соответственно сделать разметку), причем «в уме», т. е. заранее, до отправки в типографию. Да я еще не сказал о нумерации и разметке рисунков – штриховых и тоновых: требовалось заранее предусмотреть степень их

уменьшения, чтобы каждый вписывался точно в формат полосы или колонки (при двух-, трех- или четырехколонном наборе).

Подчеркнем, любое изменение и переаказ были связаны со скандалом и опасностью срыва сроков...

Словом, накануне сдачи, когда сроки, как правило, поджимали, всегда был аврал – редакторы, художник и технический редактор вкалывали, не считаясь со временем.

И вот – очередной номер сложен, все размечено. Осталось утром подписать его у главного (**Виктора Лапина**) и можно везти в «Соколовку»: срок выдержан.

Редакторов тогда было двое: **Борис Пустынцев** и я. Тот номер готовил Боря. Он аккуратнейшим образом все сложил на батарею отопления у себя за спиной (стол-то еще был завален «отходами»), мы пожали друг другу руки и разбежались – на часах было около восьми.

Утром, заметив, что номера на батарее не оказалось, я по простоте душевной решил, что его уже унесли наверх подпisyвать. Борис вообще пришел чуть позже и, насвистывая, принялся спокойно наводить порядок на столе. Часов в 10 влетел разъяренный главный с криком: «Почему не готов номер?». У него за спиной маячил обескураженный техред – **Юра Коровенко**, который уже надел пальто, чтобы везти номер в типографию.

Сцена была жуткая. Все молча уставились один на другого и никто не знал, ни куда делся номер, ни что делать. Номер пропал. Ясно было и другое: продублировать его без серьезных потерь нельзя, да ведь и займет это минимум месяц! А срыв выхода номера, «кормившего» издательство,

частью которого была редакция, грозит невыполнением квартального плана...

Первым пришел в себя техред: «Может, уборщица куда прибрала?». Бросились искать уборщицу. Как ни странно, быстро нашли ее пирующей в гостях у соседки. Она ничего конкретного не помнила (да и неудивительно, все бумажки для нее были одинаковы), но сказала, что с батареи «ничего не брала, а только с пола» и «все ненужное» клала в мешок, который вчера же и отнесла на сборный пункт утиля – во втором дворе дома напротив.

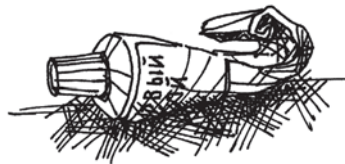
Часа полтора вся редакция провела, в поте лица своего роюсь в макулатуре на помойке. Чего только мы не обнаружили, но искомое, как водится, нашлось лишь в самом конце, когда надежды уже не оставалось. По счастью, все лежало аккуратно придавленное кипой каких-то плакатов.

Номер ушел, а слабонервные члены редакции, едва сполоснув руки, пошли поправлять здоровье в кафе «Погребок».

На этом приключения того номера не кончились. Напомню, что обложки в ту пору были рисованными. На этот раз художник **Коля Шакуро** набросал легкий эскиз фломастерами, изобразив яхтсмена, воднолыжника, нос надувной лодки и еще что-то. Как водится, одобрив эскиз, начальство дало указание его переделать, но в день сдачи в комплекте вместо оригинала лежал еще тот самый не утвержденный и отнюдь не окончательный эскиз. Стоит ли говорить, что на радостях об этом забыли, и когда пошла корректура, обложка поразила знатоков «свободой и изяществом» штриха...

Н. Карасев – он же Юрий Казаров

3. Ода резиновому клею

То, насколько профессионально была подготовлена рукопись, выяснялось только на стадии макетирования журнала, ибо что-либо переаказывать или дозаказывать было крайне нежелательно. В старые времена, когда и слова «компьютер» никто не слышал, выглядело это так.

Из типографии привозили в редакцию два тюка. В одном из них лежали гранки, т. е. листы с оттисками набранных текстов и отдельно всех дубликатов. Все в нескольких экземплярах. Расположившись за просторным столом, например за столом для пинг-понга, техред распускал каждый лист на узкие полосы и комплектовал их, чтобы получился полный «отбой». Кстати сказать, не резал ножницами, а обрывал по краю стальной линейки.

Второй тюк составляли листы с оттисками иллюстраций. Техред писал на каждом оттиске его номер, разрезал листы и комплектовал постатейно.

Пока гранки читались редактором и корректором, один комплект гранок и рисунков поступал на стол художника и начинался очень трудоемкий и ответственный этап – верстка, выклеивание постраничного макета. Чтобы этот макет мог быть воспроизведен типографией, фантазию художника ограничивали тем, что давали ему пачку макеток – листов плотной бумаги с напечатанной сеткой, показывающей границы полосы и колонок при всех возможных вариантах набора.

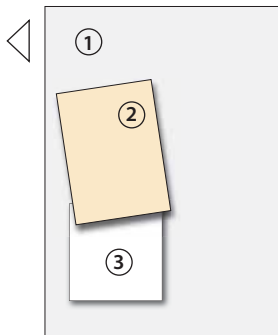
Страничку за страничкой художник готовил макеты полос журнала. Вставляли на свои законные места заголовки, куски текста и рисунки и крепились к макетке резиновым клеем. Почему резиновым? Да потому, что сплошь и рядом приходилось полосу переделывать – наклеенное отклеивать и двигать, а резиновый клей позволял это делать легко и просто – достаточно было смочить оборот макетки бензи-

ном... Работа была ювелирной – поскольку число строк в полосе было жестко фиксированным, даже гладкий текст приходилось довольно часто нарезать на строки и приклеивать каждую отдельно.

Занимало это дней восемь–десять – в редакции стоял злодейский запах резинового клея – и шло под наблюдением и с участием редактора. То и дело возникали споры и разногласия, но стороны были «взаимно вежливы» и до скандалов дело не доходило. Правда, бывало, что художник не соглашался учесть мнения окружающих, утверждая, что ни много, ни мало, а «ВСЕ остальные варианты он уже пробовал» (любимый тезис **Коли Шакуро**).

Как всегда, добавлял остроты фактор времени, ведь и с макетированием надо было уложиться в установленные графиком жесткие сроки. Запомнился художник **Боря Лисенков** – хороший

1. Макетка полосы (в натуральную величину)
2. Верхняя часть одной из гранок с текстом статьи (№ 39)
3. Часть листа с оттисками штриховых рисунков

4. Цена запятой

Сейчас, когда и «набор», и подготовка иллюстраций, и «верстка» делаются в редакции на компьютерах, работа типографии занимает считанные дни. А раньше на это уходило месяца два. График, нарушение которого каралось самыми жестокими санкциями, был рассчитан по дням. И расслабляться редакции было некогда – шел корректурный обмен: после каждой стадии типографских работ ее плоды – гранки, верстка – согласно редакционному макету, иногда и сверка, а затем и чистые листы – поступали на проверку. На каждой стадии выискивались ошибки (и добавлялись новые), подсчитывалась стоимость их исправления (если она превышала допустимый уровень – искали виновных), и все продолжалось...

Мелочей в нашем деле не бывает. Поговорим немного об опечатках*.

* Интересующимся темой рекомендуем книжку Д. Шериха «А упало, Б – пропало» (СПб., 2004 г.).

Опытные издатели хорошо знают, что без них «не обойтись», и относятся к ним, как бы это сказать, по-разному – выборочно: в ответственных местах значащих, смысловых опечаток быть не должно, ну а с безобидными, типа колова через «а», ничего не поделаешь!

Вот памятная мне история.

Однажды, в доперестроечные времена, одно ЦКБ, если не ошибаюсь – московское, решило осчастливить «водоплавающих» и, несколько опередив время, разработало «народную лодку». Она при малых размерах имела каютку, а под двумя «Вихрями» выходила на глиссирование; в то же время была простой по конструкции и при серийном выпуске обещала быть не очень дорогой.

Мы сверхсрочно поставили в номер ее описание, чтобы успеть к началу ежегодной выставки-ярмарки, на которой торговля отбирала образцы для освоения промышленностью и формулировала свой заказ. Очень торопились.

В конце статьи приводился перечень того, чем судостроители будут комплектовать лодку, выпуская ее в продажу. В числе прочего отмечалось, что она будет продаваться «с дистанционным управлением двумя моторами». Корректор издательства поставил перед словом «двумя» – запятую, и вышло, что завод будет комплектовать лодку и дистанционным управлением, и – плюс к тому – двумя моторами, хотя этого никто обещать не мог.

Мы посмеялись и запятую, естественно, убрали.

В гранках запятую на свой страх и риск поставил сознательный наборщик – линотипист. Убрали.

При читке верстки корректор издательства снова поставил запятую. Убрали.

В чистых листах упрямая запятая появилась опять. Убрали. Прицепили к странице пламенное послание с объяснением своей позиции.

Как уж там было дело, не знаю, но в вышедшем номере героическая запятая оказалась на том же месте.

Наш главный собрался устроить шум, нажимая на то, что два мотора стоят 780 руб. – ненамного меньше стоимости лодки! – и теперь могут быть ненужные спровоцированные тиражом 204 000 экз. журнала осложнения в магазинах, но, поразмыслив, остыл и даже согласился поблагодарить всех участников этой «битвы за запятую». Как ни крути, люди делали доброе дело – ведь они были уверены, что спасают редакцию!

Осложнений не возникло по той простой причине, что посланницы торговых баз, прикинув общую цену лодка + моторы, вообще побоялись дать на нее заказ: «Кто его знает, вдруг да не будут покупать столь дорогую новинку».

Так запятая в 780 руб. попала в ряд безобидных!

Ю.К.

5. Подарок с берегов Днепра

История эта началась давным-давно, когда тираж «КиЯ» зашкаливал за 200 000, а почта работала великолепно: в результате рабочий день в редакции неизменно начинался со всеобщего чтения свежих писем. И вот где-то летом 1988 г. пришло письмо от киевлянина **И. Кононенко** с туманным фотоснимком 9×12, тематика которого вызвала восторг у тогдашнего главного редактора **В. Ермолина**. Одна беда – было непонятно, где сделано фото, кто на снимках и вообще – что с ним делать. Поблагодарив за внимание, мы передали эти вопросы автору, и тот более-менее оперативно ответил: перечислил

имена всех участников пикника, назвал дату (23 года назад!) и «точные» географические координаты места на берегу Днепра. Пока мы размышляли, по-прежнему не зная, что делать дальше, пришел деревянный ящик, в котором лежал тот же снимок, но увеличенный в пять раз, чем-то чуть подкрашенный и помещенный под стекло в богатой раме.

Мы расценили это как подарок от украинских водномоторников, фото и поныне украшает наш скромный офис. Однако история имела неожиданное продолжение. Пришло крайне ругательное письмо из редакции «Огонька»: коллеги возмутились тем,

что мы «похвалили никчемный снимок», назвав его шедевром, и автор теперь рассылает его копии по московским адресам, ссылаясь на высокую оценку, данную «КиЯ».

Дальше – больше. Пришла жалоба от самого И. Кононенко на «Огонек», который решительно отказался популяризировать отдых на воде, а затем жалоба и на Третьяковскую галерею: знатоки отечественного искусства по малодушию снимок похвалили, а отбились от него по чисто формальным причинам – они, мол, к сожалению, фотографии не хранят и не экспонируют из-за нехватки площадей. В орбиту втянули «Советское фото»,

«Советскую женщину» и чуть ли не «Химию и жизнь»...

Мы узнали об этом, неожиданно получив копию всей оживленной переписки, а затем и калькуляцию: автор деликатно намекал, что кто-то должен оплатить его расходы на изготовление и пересылку великолепных фото в богатых рамках, и общая сумма, названная им, привела нас в некоторое уныние.

Тем временем читатели сами подсадили идею использования снимка И. Кононенко. В 1990 г. редакция объявила конкурс на лучшую подпись к фото, изображающему испуганного

котенка на вантах «Крузенштерна». Поступило около 550 вариантов подписи (см. №150). Но суровые мужчины кошачьей темой оказались недовольны и рекомендовали в следующий раз давать «для затравки» снимок «из человеческой жизни» и «поближе к будням маломерного флота». Вот тогда-то мы и вспомнили «Отдых на берегу Днепра». В том же № 150 поместили это фото и просили читателей откликнуться остроумными афористическими подписями.

Было это, напомним, в 1991 г. Начались тяжелые времена. К началу 1993 г.

поступило всего 168 писем (затем в течение нескольких месяцев еще около 100 посланий). Но под вопросом оказалась судьба и самого журнала. Так или иначе, набранный и сверстаный номер (№ 3 за 1993 г.) с обзором ответов читателей в свет не вышел. А сейчас, через 15 лет, мы даже не можем разыскать этот обзор, случайно сохранилась только его половина...

Стоит воспроизвести то, что уцелело. Это красноречивый памятник того времени, как, впрочем, и сам снимок Н. Кононенко.

Результаты нашего конкурса, или Что думала авторитетная комиссия по поводу подписей к фотоснимку, предложенных читателями

На этот раз комиссия справилась с задачей за пару вечеров – снимок И. Кононенко не вызвал слишком бурной реакции читателей. Пришлось рассматривать и оценивать всего 500 вариантов подписей к фото, присланных из разных концов СНГ. Сразу отметим: женщины и дети, за малым исключением, это задание игнорировали. Зато очень многих мужчин жизнеутверждающая тематика снимка вдохновила настолько, что в 22 письмах оказались стихи – проза не выдерживала накала чувств!

«Автору веришь безоговорочно, – пишет москвич **Л. Глазунов**, вместо подписи к фото создавший искусствоведческое эссе на четырех страницах мелким почерком, – детали снимка убеждают, что это не постановочный кадр, а живая жанровая сценка, подсмотренная и снятая кем-то, вероятно – женщиной, которая не очень торопится принять участие в употреблении горячительного».

Былинный размах успешно начатой выпивки, после которой ожидаются концертная программа и товарищеская встреча в волейбол, настроил большинство авторов на эпический лад. Семь из них нашли в композиции заснятой сцены несомненное сходство с перовскими «охотниками на привале», трое – с васнецовскими «богатырями на распутье». Пятеро в стихах и прозе обыгрывали тему репинских

бурлаков, нажимая на рифму: «бурлаки» – «выпить им всегда с руки». Четверо почему-то называли отдыхающих на берегу Днепра мушкетерами. Вид гитар вдохновил **М. Кнестяпина** (Гурзуф) на смелое утверждение, что это – «Группа «Битлз» во время творческого отпуска», а **Л. Рогалева** (Петербург) на нетактичный выпад – «Песняры репетируют». **Н. Баркалов**, имея, очевидно, в виду наличие дефицитных бензина, питья и закуски, назвал происходящее коротко: «Остров сокровищ».

Наиболее часто повторялись бесстрастные варианты «Отдых в пути» и «Отдых на берегу» (22 раза), которые жюри встретило абсолютно равнодушно. «Мальчишник», «Мечта поэта», «Симпозиум на пленэре», «Праздник души» и «Хорошо сидим» (6 раз) – были приняты более благожелательно. А дальше пошли политизированные варианты, которые не хочется рассматривать как творческую удачу, ибо жизнеутверждающего духа снимка они не выражают. «Отдыхают боссы» – считает **Таня Алексеева** (г. Шахты). Впрочем, подумав, она намекает на назревшую реформу вооруженных сил, полагая, что экипаж «Св. Фоки» составляли «четыре танкиста, удачно продавшие и танк, и собаку».

«Жируют мафиози», «Апофеоз наркобизнеса», «Прожигатели жизни» – эти три подписи, присланные неиз-

вестным Б. из Минска, выглядели необоснованно оскорбительно для тех честных киевских водномоторников, которые на самом деле совершали свою историческую прогулку по Днепру. **А. Камышанский**, оказавшийся рекордсменом по числу предложенных вариантов (21!), пошел еще дальше, выдвинув смелую гипотезу: сфотографированы в трусах и шляпах пожелавшие остаться неузнанными «четверо из команды Ельцина». Один и тот же **М. Кнестяпин** дает противоположные по смыслу подписи: «У нас забастовка!» и «Эх, хорошо в стране советской жить!». Больше того, он выдал и такие поэтические всплески: «Не подплывайте, рыбки! Не шелохнись, лягушка! Смотри как отдыхает партийная верхушка!», «Лозунги-призывы и всю ночь и днем, строить* надоело, лучше отдохнем!». Проработав еще восемь вариантов, присланных Кнестяпиным, жюри вынуждено было «превратиться» и потребовать чаю.

Дальнейшее, однако, оптимизма не прибавило. Девятиклассник **Егор Демин** из Самары проявил отнюдь не юношеское знание жизни, посчитав провозглашенной «здравицу» такого содержания: «Помянем же старые цены на водку, а также запчасти, бензин и селедку!».

Ностальгическое звучание осо-

* Уточним по контексту – строить будущее.

бенно ярко проявилось у **К. Лютова** (Петергоф), вспомнившего слова старой песни «Имели мы золотые горы и реки полные вина», и **В. Голубя** (Владивосток), процитировавшего классическое «Дела давно минувших дней». **А. Шарманов** из Ярославля вздыхает, вспоминая «стоянки молодости нашей», **А. Разумов** считает снимок документальным, ибо запечатлен «конец красивой жизни эпохи застоя».

И, наконец, встретившийся раз десять вариант «Все это было, было, было!» так подействовал на слабонервных членов жюри, что они отложили окончание работы на следующий вечер. Любопытно, что 16-летний **Олег Плессер** (Моск. обл.) совершенно точно предсказал популярность этого скорбного мотива...

Можно уверенно сказать, что в рассмотренных подписях наиболее четко прослеживается экологическая тема. Четверо (!) сделали неожиданное заключение: вода теперь в Днепре такая, что эти «потомки запорожских казаков радуются жизни, распивая не ликероводочные изделия, а привезенную с собой... чистую «аш два о». Мрачно настроенный **И. Яровой** (Иркутская обл.), соглашаясь с **Аллой Чубенко** и **Кириллом Лютовым**, утверждающими, что 25 лет назад Днепр был «чуден при всякой погоде», теперь мрачно рифмует: «чудный вид» – «радионуклид». А упомянутый К. Лютов вместо веселой афористической подписи прислал пессимистическую ЭКО-трилогию, читая которую, хочется рыдать и плакать. Тут и бациллы на пляже, и нитраты, и прочее в том же духе. А о страшном будущем – «того не описать пером!». **Д. Бику** из Днепропетровска тема Днепра гораздо ближе. И его поэзия еще более горька: «Нету больше той реки, осталось ей плести венки»...

Херсонец **И. Данилов** на ту же тему о судьбах седого Днепра написал поэму. Вот из нее несколько строк: «Есть тяжелый изотоп, палочка холеры, и чего там только нет, в этой мутной сфере!». Рыба – в мазуте, раки – покончили самоубийством, отравились с горя. «Ревет и стонет Днепр не зря, человек – спаси меня!» Сомнения в том, что человек это сделает, выразил **А. Розочкин** из Бологого: «Солнце без рентгенов, чистая вода, будет ли такое? Будет ли... Когда?». И не будет

ли так, что из-за борта «станут черпать бензин»?

По счастью, есть среди нас и оптимисты!

Иван Рудой (Запорожье) более чем на 100% убежден, что в канистре не чистая вода, а пиво, которое никогда не было редкостью на Украине. Ту же ностальгическую тему затронули и Степановы из Чебоксар: «Слетать за пивом – плюнуть раз! И ГИМС не остановит нас...». Впрочем, они полагают, что дело пивом не ограничилось, и дают еще такой вариант: «Пока «Фока» не дал крюка, давайте выпьем коньяка!».

Представитель жизнелюбов из Астраханской обл. **Н. Зимин** также уверен, что «Ни гитары, ни вино не потянут нас на дно!». Чем не Омар Хайям? А тот же Княстятин пытается поднять дух совсем ныне растерявшихся водномоторников, призывая их «пропустить по двести грамм» и «задать трепку формулам!» Надо полагать, фигурально говоря, а не принимая спиртное во время международных гонок на скутерах «Формулы-1»...

Есть, однако, и четко выраженные антиалкогольные лозунги типа выдвинутого **А. Фоминцевым**: «Находясь в лодке, не полоскай глотку!» или «ГИМС предупреждает: пока не протрезвел, мотор не заводи!». Очень приятно, что нашлись читатели, связавшие изображенную сцену с судостроительно-судоводительской тематикой! Несколько авторов полагают, что четверо стараются максимально уменьшить нагрузку лодки «перед решающим броском» или для того, чтобы «слезть с мели». А 16-

летний **Вадим** (фамилия неизвестна) уверен, что тамада обратился к участникам пикника с призывом: «Друзья, обмоем наш баркас!», ибо «Св. Фока» только что спущен со стапелей. **Ирина Гуляева** из Перми убеждена, что высадка десанта и прием пищи вызваны только тем, что «в проекте «Св. Фоки» не был предусмотрен камбуз».

Наш старый автор турист-парусник **Г. Сарин** из г. Николаева воспринял фото неожиданно строго и прислал суровую отповедь, надолго отбившую у авторитетной комиссии желание радоваться жизни: «Демонстрация походной трапезы считается у туристов признаком плохого тона».

***

О том, что было дальше, можно только делиться воспоминаниями. Кто-то из читателей почему-то решил, что «крайний справа член коллектива» – женщина. Тут мы дружно припоминаем, что фото было сделано с автоспуском и крайним как раз и является сам Н. Кононенко.

Где-то он сейчас? Мог ли он предполагать, что его очень часто будут вспоминать на берегах Невы?

